

Григорий Петрович Данилевский

Мертвец-убийца

Григо́рий Петро́вич Даниле́вский (14 (26) апреля 1829, село Даниловка, Изюмский уезд, Слободско-Украинская губерния — 6 (18) декабря 1890, Санкт-Петербург) — русский и украинский писатель и публицист, автор романов из истории России и Украины XVIII–XIX веков.

Родился в богатой дворянской семье харьковского помещика, отставного поручика Петра Ивановича Данилевского (1802–1839). По семейным преданиям, подтверждённым, впрочем, и серьёзными документами, основателю этого дворянского рода, Даниле Данилову сыну в 1709 году выпала честь принимать в своём доме Петра I, возвращавшегося из Азова в Полтаву. Двоюродная сестра писателя, Ефросинья Осиповна Данилевская, приходилась бабушкой поэту Маяковскому.⁽¹⁾

Г. П. Данилевский
Мертвец-убийца

Это случилось в прошлом, XVIII веке, в царствование Екатерины II. В большом великорусском селе скончался скоропостижно зажиточный, одинокий крестьянин, слывший за знахаря и упыря. «Беда, — стали толковать крестьяне, — при жизни поедом всех ел; не даст покоя и после смерти». Его положили в гроб, вынесли на ночь в церковь и выкопали для него яму на кладбище. Похороны ожидались «постные»: не только соседи жутко поглядывали на опустевшую избу покойника, даже более храбрый церковный причт почесывался, собираясь его отпевать. А тут еще подошла непогода, затрещал мороз, загудела метель по задворкам и в соседнем дремучем лесу. Первый из причта не выдержал, очевидно струсил, дьякон. Пришел к священнику, стал проситься накануне похорон в дальнее село, навестить умирающую тещу. «Как же ты едешь? — уперся поп. — Кто же будет помогать при отпевании? нешто не знаешь, какая мошна? родичи, чай, вот как отблагодарят», — «Не могу, отче, ради Господа, отпусти».

Отпустил поп дьякона, остался с одним

дьячком. Дьячок прозвонил до зари к заутренней, отпер церковь, вошел туда с попом и зажег свечи. Началась служба в пустой, холодной, старой церкви.

Стужа ли замкнула все двери села, покойник ли пугал старух и стариков, только никто из прихожан не явился к заутренней.

Дьячок читает молитвы, напевает, прячась в шубейку, а сам, вторя священнику, возглашавшему из алтаря, все посматривает на мертвеца, лежавшего в гробу, под пеленой, среди церкви.

Заря еще не занималась. На дворе была непроглядная тьма. В окна похлестывал уносимый метелью снег, на колокольне что-то с ветром выло, и скрипели петли ставней и наружных дверей. Желтенькие, крохотные свечи чуть теплились у темных, древних образов.

И вдруг дьячку показалось, что убогий, потертый церковный покров шевельнулся на мертвеце. Причетник потер глаза, подумал: «С нами крестная сила!» — и опять стал читать по книге. А глаза так и тянет снова посмотреть на средину темной, холодной церк-

ви.

Не вытерпел дьячок, глянул и видит: у мертвеца шевелится борода, будто он дышит, уставился на Царские двери.

— Батюшка! — сказал дьячок с клироса, остановясь читать. — У нас не ладно.

— Что там?

— Мертвец ожил, страшно мне.

— Полно, неразумный, молись о Господе! — ответил поп, продолжая службу.

Дьячок отвернулся, углубился в книгу. Долго ли он там читал, неизвестно. На дворе как будто стало светать.

«Ну, слава тебе, Боже, скоро крикнет петух», — подумал дьячок в ту минуту, когда священник готовился стать в Царских вратах, читая отпуск с заутренней.

Дьячок глянул опять на середину церкви, вскрикнул в ужасе не своим голосом и лишился чувств...

Он ясно перед тем увидел, как потом рассказывал всему селу, что мертвец поднялся на одре, опростал руки из-под могильного покрыва, посидел чуточку в гробу и стал вставать — бледный, посинелый, с страшною, тря-

сущенюся бородой. Священник испуганно и безмолвно глядел на него из алтаря. Мертвец, с распростертыми руками, раскрыв рот, шел прямо к попу...

Когда на дворе совсем рассвело и народ, спохватясь долго отсутствующего причта, вошел в церковь — перед всеми предстала страшная картина.

Дьячок без памяти, с отнявшимся языком, лежал ниц у клироса. В Царских вратах лежал навзничь бездыханный, с перегрызенным горлом, священник, а в гробу — неподвижный, бледный мертвец, с окровавленными губами и бородой.

Вопли и плач поднялись в селе. Убивалась попадья, чуть не умерла от горя и дьячиха. Но последнюю отлили водой; у дьячка вернулась речь, и с нею и память. Он все рассказал, как было.

— Упырь, людоед! — решили крестьяне миром. — Это он загрыз батюшку. Не хоронить его на кладбище, а в лесу, и припечатать его не отпускной молитвой, а осиновым колом.

Отвезли знахаря-мертвеца в самую чащу

леса, вырыли там другую яму, положили туда упыря и пробили его насквозь в грудь осино-вым колом: теперь не будет портить сатана неповинных людей.

Священника похоронили с честью, попадью щедро одарили, а церковь начальство, за такой святотатственный казус, до новых распоряжений впредь, запечатало.

Остались прихожане без попа и без церкви. Ездили они, просили. Консистерия все собиралась произвести следствие. Благочинный брал посильные приношения, обещал уладить дело, но церковь не отпечатывали. Крестьяне собирались писать прошение, но не знали, куда подать.

Дело случайно дошло до сведения Екатерины. Слушая доклад генерал-прокурора, кн. Вяземского, о разных происшествиях, она обратила внимание на случай с упырем.

— Что же ты думаешь об этом? — спросила императрица докладчика.

— Казус необычный, — ответил генерал-прокурор, — он коренится в суевериях грубой черни.

— Хороши суеверия... перегрызенное гор-

ло! ведь священника-то тоже схоронили. Отложи, князь, это дело вон на тот ломберный стол и позови ко мне Степана Иваныча Шешковского хоть сегодня же вечером, перед оперой...

Явился к императрице знаменитый сыщик, глава и двигатель тайной экспедиции, Шешковский.

— Что благоугодно премудрой монархине? — спросил тайный советник и владимирский кавалер Степан Иванович, согнувшись у двери, с треуголом под мышкой и шпагой на боку.

— А вот, сударь, бумажка, прочти и скажи свое мнение.

Шешковский отошел с бумагой к окну, прочел ее и, подойдя к Екатерине, замер в ожидании ее решения.

— Ну, что? — спросила она. — Любопытная история — поп, загрызенный мертвецом?

— Зело любопытная, — ответил сыщик, — и где же, в храме!

— То-то в храме. И консистория, запечатав церковь, предлагает дело предать воле Божьей, а прихожанам, освятив храм, поста-

вить нового попа...

— Попущение Господне, за грехи, милосердая монархиня... Как иначе и быть! — произнес, набожно подняв глаза, Шешковский.

— Ну, а я — грешный человек — думаю, что здесь иное! — сказала императрица и, взяв перо, написала резолюцию на докладе: «Ехать в то село особо назначенному мною следователю и, тайно дознав истину, доложить лично мне».

Екатерина дала Шешковскому прочесть свое решение.

— Кого, ваше величество, изволите командировать? — спросил Степан Иваныч.

— Кому же, государь мой, и ехать, как не тебе? — ответила императрица. — Держи все в секрете, как здесь, так и в губернии, — и все мне доподлинно своею особой разузнай.

Шешковский поклонился еще ниже.

— Великая монархиня! мое ли то дело? с бесами, прости, да с колдунами, я еще не ведался и не знаю с ними обихода... ведь они...

— Вот в том-то и дело, батюшка Степан Иваныч, что нынче век Дидерота и Руссо, а не царевны Софии и Никиты Пустосвята... Мне

чудится, я предчувствую, убеждена, что здесь все всклепано на неповинных, хоть, по-твоему, может, и существующих бесов и упырей.

Шешковский, с именным повелением Екатерины в кармане, переодевшись беспоместным дворянином, полетел с небольшою поклажей по назначению.

В губернии он оставил чемодан с запасною форменною одеждою на постоялом в уездном городке; сам переоделся вновь в скуфейку [1] и рясу странника и пошел по пути к указанному селу. Верст за двадцать до него, — то было уж второе лето после события с священником и упырем — его догнал обоз с хлебом.

— Куда едете?

— В Овиново; а тебя Господь куда несет?

— В Соловки.

— Далекий путь, спаси тебя Боже, — чай притомился?

— Уж так-то, православные, ноженьки отбил.

— Ну садись, подвезем.

Подвезли извозчики до Овинова, а за ним было Свиблово, то самое село, где случилась

история в церкви. Везут странника мужики и толкуют о свибловских: всех знают, всех хвалят, мужики добрые, не раз хлебом у них торговали.

— Что же, храм Божий есть у них?

— Нетути, закрыли из-за Господней немилости, благочинный скоро обещает открыть, да дорожится.

— Кто же будет попом?

— Два дьякона ищут, ихний и овиновский.

— Кого же хочет мир?

— Овиновского, подбрее будет; ихний — злюка и с женой живет не в ладах. Вон и его хата, на выгоне, под лесом, — выселился за реку — держит огород.

Странник встал у околицы, поблагодарил извозчиков, выждал вечера и зашел к дьякону. Хозяина не было дома, дьяконица пустила его в избу. Ночью странник расхворался. Лежит на палатях, охает, не может дальше идти. Возвратился дьякон, обругал жену: «Пускаешь всякую сволочь, еще помрет, придется на свой счет хоронить». Услышал эти речи странник, подозвал дьякона, отдал ему бедную свою кису [2], просит молиться за него, а

неодужает — схоронить по христианскому обряду. Принял дьякон убогую суму богомольца, говорит: «Ну, лежи, авось еще встанешь». День лежал больной, два, слова не выговорит, только охает потихоньку. Забыл о нем дьякон, возвратился раз ночью с огорода и сцепился с женой — ну ругаться и корить друг друга.

— Да ты что? — говорит дьяконица. — Ты убийца, злодей.

— Какой я убийца, сякая ты, такая! Я слуга божий, второй на клиросе чин... а поможет благочинный, буду и первым!

— Убийца, ты перегрыз горло попу... сам признавался...

Далее странник ничего не мог расслышать. Хозяева вцепились друг в друга и подняли такую свалку, что хоть вон носи святых. К утру все угомонилось, затихло. Странник днем объявил, что ему лучше, поблагодарил за хлеб-соль и пошел далее...

Возвратясь в город, он явился к воеводе, прося о себе доложить. Ему ответили, что его высокородие изволит кушать пунш и принять не может. Странник потребовал непро-

медлительного приема.

Его ввели к воеводе, восседавшему у самовара за пуншем.

— Кто ты, сякой-такой, и как смел беспокоить меня?

Странник вынул и показал именной указ императрицы.

В тот же день в Свиблово поскакала драгунская команда. К воеводе привезли дьякона, дьяконицу и дьячка.

Дьякон не узнал сперва в ассистенте воеводы гостившего у него странника. Шешковский облекся в форменный кафтан и во все регалии. Дьякон на допросе заперся во всем; долго его не выдавала и дьяконица. Но когда Шешковский назвал им себя и объявил дьяконице, что, хотя пытка более не практикуется, он, на свой страх и по личному убеждению, имеет нечто употребить, и велел принести это «нечто», то есть изрядную плетъ, веревку и хомут, и напомнил ей слышанное странником, — баба все раскрыла: как дьякон, по злобе на попа, вместо поездки к теще, переждал в лесу, проник в церковь, лег в гроб,

а мертвеца спрятал в складках пелены под одром, напугал дьячка и задушил, загрыз священника, а мертвецу выпачкал кровью рот и бороду и скрылся.

— Что скажешь на сию улику твоей жены? — спросил Шешковский.

Дьякон молчал.

— А ну, ваше высокородие, — подмигнул Степан Иванович воеводе.

Двери растворились: в соседней комнате к потолку был приправлен хомут и стоял «нарочито внушительного вида» добрый драгун с тройчатой плетью.

Дьякон упал в ноги Шешковскому и во всем покаялся.

Его осудили, наказали через палача в Свиблове и сослали в Сибирь. Церковь отпечатали, овиновского дьякона, женив предварительно на дочери загрызенного священника, посвятили в настоятели свибловского прихода. Местного благочинного расстригли и сослали на покаяние в Соловки.

— Ну что, не я ли тебе говорила? — произнесла Екатерина, встретив Шешковского. — А ты, да и ты — предать воле Божьей, казус от

суеверия грубой толпы. Мертвец-убийца! ну, может ли двигаться, а кольми паче еще злодействовать покойник, мертвец?

— Так, великая монархиня, так, мудрая и милостивая к нам мать! — ответил, низко кланяясь, Шешковский. — Ты всех прозорливее, всех умней.

Он еще что-то говорил. Екатерина стала перебирать очередные бумаги, его не слушая. Грустная и презрительная улыбка играла на ее отуманившемся лице...

Комментарии

Григорий Петрович Данилевский (1829–1890) — писатель и публицист. По окончании Петербургского университета служил в Министерстве народного просвещения. Дебютировал как поэт и прозаик в середине 1840-х гг.; выделялись очерки, посвященные описанию родной Данилевскому Украины. Был знаком с Гоголем, которому отчасти подражал. После 1857 г. жил в своем имении в Харьковской губернии, много занимался народным просвещением. В повестях и романах описывал нравственный распад помещичьего дворянства накануне реформ («Село Скоропановка»), массовое бегство крепостных в предреформенное время в Приазовье («Беглые в Новороссии»). В 1870-е гг. служил в Главном управлении по делам печати, был редактором газеты «Правительственный вестник». В это время сосредоточился на исторической тематике; получил доступ к секретным архивным документам. Романы «Мирович» (1875), «Княжна Тараканова» (1883) и «Сожженная Москва» (1886) принесли Данилев-

скому широкую известность, в том числе и за границей, они переиздаются до сих пор. В 1879 г. объединил несколько своих повестей («безгрешных сказок о привидениях, явлениях духов и прочей бесовщине») в цикл «Святые вечера»; одна из этих повестей публикуется в настоящем издании.

[^^^]

Примечания

Скуфейка (скуфья) — у православного белого духовенства: остроконечная бархатная черная или фиолетовая мягкая шапочка

[^^^]

Киса — кошелек, кисет

[^^^]